

УДК 913

**ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ**

Дружинин А. Г.

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; Институт географии РАН, Москва,
Российская Федерация
E-mail: alexdru9@mail.ru*

В современной России пространственное развитие и вопросы его стратегирования предельно актуализированы, выступая приоритетом в том числе для общественной географии. Реализация императивов полномасштабного, детализированного учёта местных условий социально-экономической динамики, а также приоритизации направлений государственной и корпоративной активности — предполагают «муниципализацию» исследовательских подходов в увязке с идентификацией геостратегических интересов страны и соответствующей типологизацией территорий. Цель статьи — концептуальное обоснование «геостратегических муниципальных образований» как особого общественно-географического феномена и объекта региональной (муниципальной) политики. Охарактеризован опыт использования категории «геостратегическая территория» в системе стратегирования пространственного развития Российской Федерации: акцентированы его сильные и слабые стороны. Дано определение «геостратегии», обосновано представление о практической множественности геостратегий в системе государственного регулирования, показано, что «геостратегичность» ситуативна и контекстна. Предложено вычленять и обособлять «геостратегические муниципальные образования» по параметрам их «значимости — проблемности», смещая акценты с территорий, выступающих реципиентами федеральной поддержки, в пользу муниципальных образований, выполняющих «опорные» функции в экономической, геополитической и этнокультурной сферах.

Ключевые слова: муниципальные образования, геостратегические территории, пространственное развитие, Россия.

ВВЕДЕНИЕ

Кардинальное, чётко проявившееся в последнее десятилетие изменение внешних условий и внутренних обстоятельств развития Российской Федерации проецируется на территориальные социально-экономические структуры и процессы, предопределяя исследовательский фокус на междисциплинарной, всё активнее разрабатываемой [1, 2, 3, 4] проблематике стратегирования пространственного развития. В самом стратегировании (что наглядно проявилось в 2024 г. в процессе разработки «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года») обозначились два сопряжённых тренда. Первый характеризуется переходом от преобладающей ранее (в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», чья разработка велась в 2018 году [5]) идеи приоритетного экономического роста в ограниченном числе крупных городских агломераций при одновременной поддержке проблемных, отстающих, периферийных регионов [6] (к таковым, замечу, относится большинство субъектов федерации) в интегрируемом пространстве страны — к решению общенационально значимых (в том числе

геополитически и геоэкономически обусловленных) задач [7]. Второй связан с приоритизацией направлений и объектов государственной политики, в свою очередь предполагающей полномасштабный, детализированный вплоть до уровня муниципальных образований (далее — МО) и отдельных населённых пунктов учёт местных условий социально-экономической динамики. Знаковым воплощением данных трендов стало инкорпорирование в лексикон стратегирования пространственного развития категории «геостратегическая территория», её распространение в том числе на конкретные МО. Цель статьи — раскрывая содержательную сущность «геостратегии», развивая представление о её магистральных векторах применительно к современной Российской Федерации, сформировать концептуальные представления о «геостратегических муниципальных образованиях», показать их фактическую типологическую поливариантность.

КАТЕГОРИЯ «ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ»: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ «МУНИЦИПАЛИЗАЦИИ» СТРАТЕГИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Формирование нормативной базы стратегирования пространственного развития берёт начало с принятия в июне 2014 г. федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (№172-ФЗ), а также утверждённого в августе 2015 г. Правительством РФ «Положения о содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации». Эти документы, тем не менее, носили в целом «рамочный», безотносительный к реальным пространственным структурам и процессам характер. Отсутствовало в них и какое-либо упоминание о «*геостратегических территориях*», впервые появившееся (причём в качестве одного из базовых, концептуально значимых и целенаправленно акцентированных в глоссарии понятий) лишь в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 № 207-р). «Геостратегической» понималась, при этом, «территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности» [5]. Выраженная невнятность и аморфность данного определения (на любой территории условия жизнедеятельности — заведомо специфичны, а меру «существенности» того или иного региона или МО для развития страны — подчас сложно корректно сопоставить и оценить), равно как и политически и социально-экономическим мотивированная попытка распространить режим федеральной поддержки на возможно большее число нуждающихся в ней регионов — привели к тому, статус «геостратегический» оказался обесценен, будучи фактически распространён на 72,8 % суммарной площади Российской Федерации, концентрирующей 44,6 % её

населения [7]. При этом целый ряд по ключевым своим характеристикам (позиционным, производственным и др.) действительно геостратегических для России регионов в подобном качестве не рассматривались. Ситуация эта справедливо оценивалась профильными экспертами как неприемлемая, противоречащая не только структуре российского пространства, но, также, принципам и интересам эффективного управления [8, 9].

В 2024 г. в процессе разработки «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2030 года» в определение «геостратегической территории» оказались внесены коррективы, а сам перечень соответствующих территорий существенно сокращён. Было, во-первых, нормативно зафиксировано, что «геостратегической» признаётся территория, «развитие которой требует дополнительных ресурсов», то есть, в данном качестве должны рассматриваться лишь приоритетные бенефициары (фактические и предполагаемые) межтерриториального перераспределения федеральных финансовых средств. Во-вторых, уточнено, что речь может идти не только о субъектах РФ, но и их частях, что само по себе конституировало и легитимизировало «муниципализацию» управленческого подхода, де-факто латентно имевшего место ещё в Стратегии «образца 2019 года» (уже тогда к «геостратегическим» оказались отнесены территории Арктической зоны, делимитируемой не только по границам соответствующих регионов, но и отдельных муниципалитетов [10]).

Важно в данном случае акцентировать, что исследовательский интерес к пространственным структурам и процессам «низового» (местного) уровня в нашей стране опирается на пролонгированную традицию: он имел место и в период Российской Империи, и в эпоху СССР (подробнее см. [11]) В начале 1990-х гг. в географической науке выкристаллизовывалось и было артикулировано (например в [12]) чёткое понимание первостепенности «муниципальной тематики», воплотившееся, далее, в целую самостоятельную, многоаспектно развиваемую в рамках общественной географии область научного поиска [13, 14, 15, 16, 17, 18]. Во-многом с опорой на неё в последние годы всё последовательнее озвучивается и приоритет муниципального «среза» в стратегировании пространственного развития [2, 19]. Именно в этом русле возникает возможность (актуализируется необходимость) при рассмотрении отдельных «геостратегических территорий» фокусировки внимания и непосредственно на «низовом» (местном, муниципальном) уровне, одновременно идентифицируя: 1) МО в пределах конкретных геостратегических территорий; 2) МО (их обособленные группировки), классифицируемые как «геостратегические» сами по себе (вне связи с вмещающими их субъектами федерации). Обобщая, можно вести речь и в целом о феномене **«геостратегических муниципальных образований»**, чьё понимание и идентификация, в свою очередь, обусловлены необходимостью крайне непростого выбора между жёсткой селекцией «геостратегических территорий» (и, соответственно, МО) «здесь и сейчас» и практическим признанием геостратегической значимости для всех без исключения территориальных составляющих страны.

Зададимся риторическим и, одновременно, методологически важным вопросом: могут ли в составе Российской Федерации быть территории (вне зависимости их географического положения, экономического и демографического потенциала, хозяйственных специализаций), вообще в принципе лишённые геостратегической значимости? Разумеется, заведомо нет. Но, в подобном случае, когда какое-либо обособление территорий по «геостратегическому признаку» (с введением в оборот соответствующей специальной категории), казалось бы, изначально лишено самостоятельного резона, необходимым становится, также, чёткое понимание: все ли территориальные составляющие страны в равной мере геостратегически (социально-экономически, геополитическим и т.д.) значимы? В ответе на этот крайне существенный для пространственного развития страны вопрос многое определяется реализуемой геостратегией, вмещаемыми в данное понятие установками и смыслами.

«ГЕОСТРАТЕГИЯ» И «ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД И ЕГО АППЛИКАЦИЯ К УСЛОВИЯМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вербальный конструкт «геостратегия» (от греч. γῆ — «Земля» и «стратегия»), в свою очередь понимаемая как некий план по достижению сложных и долгосрочных целей [20]) изначально утвердился в понятийно-категориальной системе военной географии (что предопределило его базовое значение), распространившись, далее, на политологический дискурс, прежде всего на геополитику [21]. В её рамках «геостратегию рассматривают как отдельную ветвь политической науки, которая определяет средства и методы достижения геополитической цели государства (группы государств) в интересах сохранения и увеличения мощи государства» [22, с. 5], уточняя, при этом, что речь преимущественно идёт об учёте «пространственно-временных параметров использования военной силы в области обеспечения военной безопасности государства» [22, с. 47].

Именно включённость в предметно-содержательную структуру геополитики (в том числе и вторичность по отношению к геополитике, синонимичность, равно как и положение в качестве субпонятия) ведёт к сравнительно нечастому использованию категории «геостратегия» в лексиконе современной российской науки. Характерно, в РИНЦ на это слово всего 613 ссылок (в том числе не более двух сотен работ, в которых «геостратегия» фигурирует непосредственно в названии), в то время как поисковый запрос на «геополитику» набирает (на 05.01.2025) 13420 публикаций. Более существенно, впрочем, иное: превалирование военно-географической и геополитической интерпретаций объективным образом превращает конструкты «геостратегия» и «геостратегический» в категории, иллюстрирующие *состояния острого геополитического противостояния, в том числе и собственно войны* (явной или латентной, «холодной», «гибридной» и т.д.). Именно в этом контексте последнее десятилетие функционирует Российская Федерация, её экономика и селитебная система, что, вероятно, явилось одним из фактических оснований включения слова «геостратегический» (а сущность

геостратегии, неразрывно связанна с понятием «национальный интерес» [22]) в отечественный понятийный аппарат стратегирования пространственного развития.

Военно-географический генезис и последующая доминанта политологического (геополитического) подхода благоприятствуют ангажированности категории «геостратегия». Но они же, одновременно, объективным образом сужают её потенциально обширные (определяемые многомерностью смысловых аспектов приставки «гео-») содержательные рамки, «отсекают» ряд необходимых (с позиций современной общественной географии) содержательных нюансов. Далее мы будем рассматривать «геостратегию» именно в её наиболее широком смысле как триединство: 1) стратегии в географическом пространстве; 2) стратегии по отношению к его отдельным компонентам, обособленным по тому или иному признаку и принципу; 3) совокупности стратегий, реализуемых компонентами геопространства. Под самой же «геостратегией» уместно, в этой связи, понимать *фактически имеющие место и достаточно чётко выраженные, рефлекслируемые социумом, базирующиеся на территориальной идентичности и сопряжённой с ней географической картине мира, на системе геополитических и геоэкономических интересов наиболее общие ориентиры (установки, способы и планы действий) по развитию (инкорпорированию, удержанию, интеграции, хозяйственному и селитебному, освоению и др.) тех или иных конкретных территорий.*

Будучи ориентированной на пространство, опирающейся на его природный и социально-экономический потенциал, генерируемой структурными компонентами этого пространства, геостратегия всегда имеет свой диверсифицированный полимасштабный объект (территориальные и аква-территориальные социально-экономические системы различных таксономических уровней и типов). Именно в его рамках (чье вычленение — также неотъемлемый и важный компонент геостратегии) вероятна идентификация геостратегически наиболее значимых компонент. Характерным подобным примером рода является, в частности, имеющее место во вступившей в действие в 2022 г. «Морской доктрине Российской Федерации» структурирование акватории на три типа районов (зон) обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане: «жизненно важные», «важные» и «другие» [23]. Несколько ранее схожий подход реализован в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», где среди геостратегических территорий особым образом оказались выделены «приоритетные геостратегические территории Российской Федерации».

Геостратегии также присуща субъектность (в этом качестве в принципе способны выступать государства и их группировки, отдельные этносы, корпорации, регионы, крупнейшие города), что позволяет рассматривать общегосударственную геостратегию в качестве некоей результирующей (несводимой к простой сумме) множества подчас латентных прото- и квази- геостратегий, чей «вес» предопределяется пространственными центрально-периферийными отношениями и градиентами, особенностями дихотомии «централизм — регионализм», этнодемографическими особенностями, структурой экономики и многими иными аспектами организации общества.

Наконец, геостратегия неизменно *ситуативно-контекста*, имеет как своё пространственное, так и временное измерение, будучи формируемой «здесь и сейчас». Геостратегия, как правило, *многовекторна*, при том, что подчас являет выраженный свой мейнстрим. В частности, для России в первые постсоветские десятилетия наиболее значимой выступала геостратегия интеграции в так называемый «цивилизованный мир» (Запад, глобальный Север, Европу), дополняемая геостратегическими ориентирами евразийской интеграции. Пространство страны в тот период испытывало трансформации в связи с её «оценкой» (и «переоценкой», но в ещё большей мере — недооценкой) рынком, форматировалось с учётом интересов его «освоения» крупными, компрадорского типа хозяйственными структурами, а также подразделениями и дочерними предприятиями транснациональных компаний, опирающимися на крупнейшие города страны, ведущие ареалы экспортоориентированных производств и увязанные с ними логистически важнейшие транспортные узлы и коридоры.

В последние годы в российской геостратегии преобладают различные аспекты геополитического противостояния с коллективным Западом с одновременным «поворотом» на Восток и Юг, провозглашается (и реализуется) переориентация на взаимодействия с государствами «Мирового большинства» при одновременной попытке выстроить относительно автономный контур социально-экономического и научно-технологического развития нашей страны, опираясь на её укореняющееся (в том числе в русле идей евразийства) саморефлексию как некоей страны-цивилизации (см. [24, 25, 26 и др.]). Геостратегия (как способ восприятия пространства и его развития) становится в этих условиях не только сверхактуальной, но и многомерной. В её рамках оказываются объединены (в единстве «исторической колеи» и различного рода новаций) такие разноплановые, аспекты-цели как «реосвоение» пространства, геостратегический «поворот» (на Восток, Север, Юг), диверсификация связей, направлений и путей внешней коммуникации, возвращения территорий «в родную гавань» и др. На фоне этих изменений (ведущих к неизбежной очередной переоценке «геостратегичности» тех или иных территорий в пределах российской юрисдикции) воспроизводятся и геостратегические константы целостности территории страны (в том числе социально-экономической, правовой, ментальной), нерушимости её границ, в свою очередь предопределяемые и корректируемые центро-периферийными градиентами, этногеографией, военно-стратегическими резонами и др.

В охарактеризованном выше контексте указание на «геостратегическую» значимость выступает применительно к любой российской территории (в том числе и конкретным МО), прежде всего, необходимым маркером её приоритетности для субъекта геостратегии (подтверждением особого статуса, капитализирующегося в те или иные привилегии и бонусы в масштабе страны, в различные форматы федеральной поддержки). Особое позиционирование (роль, миссия) в геостратегии, косвенно иллюстрирует, также, способность (скрытую либо явную) той или иной территории соучаствовать в формировании региональной политики государства, воздействовать на систему её приоритетов. Учитывая, что Россия обладает обширнейшим, предельно разнообразным (по своим природным, хозяйственным,

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

селитебным и социокультурным характеристикам) пространством и политико-географическим многососедством, что на развитие страны проецируется свершившаяся за последние годы резкая трансформации внешнеполитических установок и внешнеэкономических связей, что имеет место множественность самих российских МО (1421 муниципальный район, 311 муниципальных округов, 597 городских округов, если не учитывать новые российские территории [27]) — идентификация «геостратегических МО», в итоге, не только необходима, правомерна, но и практически уже имеет место. Впрочем, в Российской Федерации реальных (де-факто) «геостратегических» МО существенно больше, чем прописано в имеющихся нормативных документах; весьма широка (а также сложна) и их типологическая палитра.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИВАРИАНТНОСТЬ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Какие же МО России из всей их совокупности геостратегически наиболее значимы и чем это мотивировано? Частичный, далеко не исчерпывающий ответ на этот вопрос предлагает «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года», где в качестве «геостратегических» подробно поименованы как конкретные субъекты федерации, так и отдельные муниципалитеты. Последние относятся либо к Арктической зоне (6 МО «второго уровня» в Республике Карелия, 4 — в Республике Коми, 13 МО в Республике Якутия, 3 МО «второго уровня» и 10 отдельных сельских поселений в Красноярском крае, а также 2 МО Ханты-Мансийского АО [28]), либо к приграничью с недружественными России государствами (на российском Северо-Западе непосредственно приграничными являются 17 МО; в Белгородской, Брянской и Курской областях к украинской границе выходит 21 муниципальный район). В первом случае, соответственно, идентифицированы МО, чьи природные условия и дистанцированное от основных социально-экономических центров страны местоположение продуцируют сложности хозяйственного и селитебного освоения, крайне необходимого в условиях возрастания глобальной геополитической конкуренции и сопряжённых рисков. Аналогичные резоны, вне сомнения, превалировали и применительно ко всему Дальневосточному федеральному округу (все его регионы отнесены «Стратегией» к геостратегическим; в сумме это 133 муниципальных района, 39 муниципальных округов и 58 городских округов).

Во-втором (приграничье) случае отнесение к «геостратегическим» мотивировано особыми геополитическими и военными (поствоенными, предвоенными) условиями, воздействующими также на селитебную и хозяйственную сферы. В более широком контексте (и в субфедеральном масштабе) в эту типологическую группу входят новые российские регионы (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область, т.е. суммарно — 32 городских округа и 73 муниципальных района), Калининградская область (10 городских округов и 12 муниципальных

округов), а также Республика Крым (14 муниципальных районов и 11 городских округов) и г. Севастополь.

Резоны «геостратегичности» субъектов РФ, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа (в их составе 88 муниципальных районов, 16 муниципальных округов, 40 городских округов) — отчасти геополитические (значимое для страны порубежье), отчасти природные (горные территории). Существенна в данном случае и этногеографическая, этнокультурная, конфессиональная специфика данных территорий, порождающая социально-экономическое их своеобразие (включая условия инвестирования, повышенный удельный вес теневых форматов хозяйствования, существенный уровень безработицы и др.), обуславливающая дополнительные этно- и геополитические риски.

В действующей (с 28.12.2024 г.) «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» основной акцент при определении «геостратегических территории» (включая и соответствующие МО), таким образом, сознательно сделан именно на типологических качествах проблемности, общенациональной значимости и, отчасти, перспективности (для дальнейшего развития профильных для страны экономических специализаций и выстраивания трансграничной, внешнеторговой коммуникации). В более общем плане «геостратегический» статус означает и режим (в тех или иных формах) приоритетной федеральной поддержки. Но такой подход справедлив лишь отчасти, поскольку не учитывает всю практически имеющую место гамму действительно значимых для страны её МО, все вероятностные направления-аспекты их типологизации (рис.).

Во-первых, не все МО с присущими им «особыми условиями» рассматриваются в действующих нормативных актах как геостратегические. Так, к примеру, в Курской области имеется лишь 6 МО, непосредственно примыкающих к границе (что является формальным основанием для определения их «геостратегического» статуса)), но режим эвакуации гражданского населения действует в 9 МО (включая городской округ Льгов, а также Льговский и Большесолдатский муниципальные районы [29]). Опора на единый критерий (прямой выход к государственной границе) в этой и аналогичных ситуациях оказывается, в итоге, заведомо некорректной, требуя дополнительных общественно-географических (в том числе военно-географических) обоснований на основе системы высвечивающих территориальную специфику показателей.

Во-вторых, ситуация с «геостратегическими регионами» – зеркальна: подчас бытующее в системе управления отношение к ним как единой «ячейке пространства» (игнорирующее внутреннюю структуру и межмуниципальные различия) затрудняет возможность оценить и выявить действительную геостратегическую (общефедеральную) значимость тех или иных входящих в его состав МО.

В-третьих, не вполне оправданно, что фокус в определении «геостратегических территорий» до сих пор в целом остаётся смещённым в пользу их «проблемности» и, отчасти, «перспективности». На этом фоне целый ряд действительно значимых

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

для страны МО (в силу местоположения, уникальных специализаций, особой роли в инфраструктурном обеспечении их уместно идентифицировать как «опорные») лишены статуса «геостратегические». Речь, в данном случае, идёт, прежде всего, о каркасных для пространственного развития страны региональных центрах. А ведь только на последние, согласно подсчётам О.В. Кузнецовой [30], приходится 32,8 % населения и почти 47 % экономического потенциала (если исчислять его, ориентируясь на налогооблагаемые доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей) всех МО Российской Федерации.

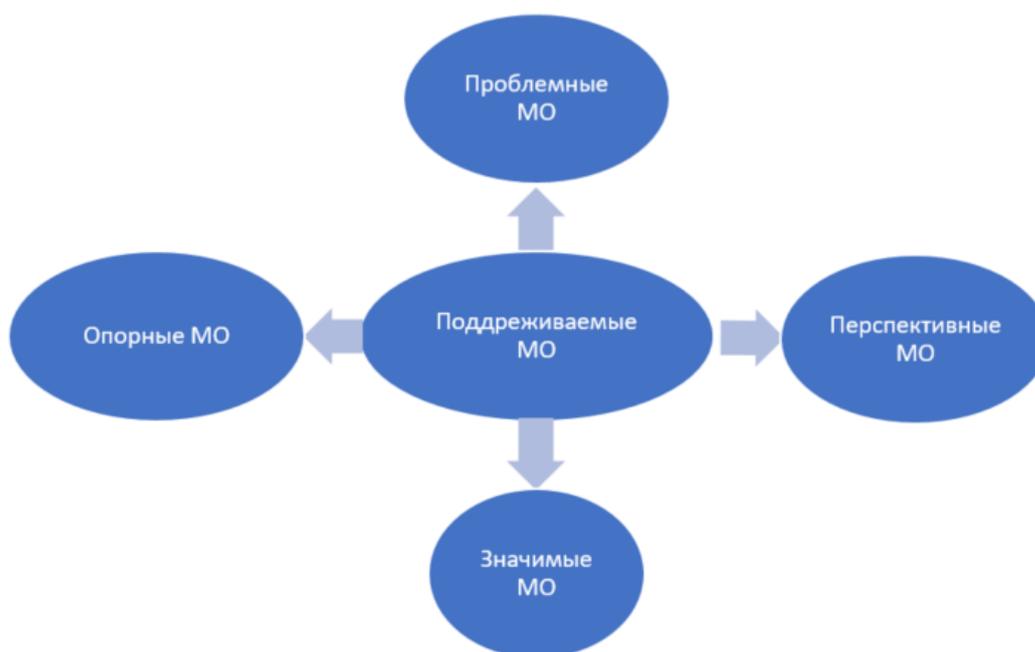

Рис. 1. Основные направления-группировки типологизации геостратегических муниципальных образований (составлено автором).

В современном российском контексте геостратегическое значение обретают и МО с весомым «присутствием» предприятий оборонно-промышленного комплекса. В условиях СВО в масштабе страны повышается «вес» и любого рода иных МО с осязательной долей в их структуре (территориальной, демографической, потребительской) «военной составляющей» (пункты постоянной дислокации воинских частей и соединений, военные полигоны и др.). В этой же связи «геостратегическими» де-факто являются все ЗАТО (закрытые административно-территориальные образования), специализированные МО (города) науки, включая наукограды. Геостратегического статуса заслуживают и МО, представляющие собой федерально значимые промышленные центры (в том числе в добывающих отраслях), а также крупные транспортно-логистические узлы (включая приморские, идентифицированные нами ранее как «опорные базы морского порубежья России» [31]. В более широком контексте можно вести речь и об иерархичной структуре

центров геостратегического доминирования (включая общевразийски значимый кластер «московско-подмосковных» МО).

ВЫВОДЫ

Для современной России вопросы пространственного развития — предельно актуализированы и должны решаться в увязке с её геостратегическими интересами и приоритетами. Вопрос типологизации «геостратегических» муниципальных образований и их приоритезации в стратегировании пространственного развития является, в этой связи, не только одним из ключевых, но и остаётся, открытым, требующим в том числе и серьёзных общественно-географических обоснований.

Из имеющихся в Российской Федерации 2434 МО т.н. «второго уровня» (муниципальные районы, муниципальные округа и городские округа) согласно действующей (с 28.12.2024 г.) Стратегии пространственного развития формальным «геостратегическим» статусом обладает 590 (из них 526 — в составе соответствующих «геостратегических» регионов), т.е., суммарно, чуть более 24 %. Дальнейшая «муниципализация» подходов в стратегировании пространственного развития предполагает необходимость:

— смещения акцентов на идентификацию (с последующей федеральной поддержкой) геостратегических территорий именно на «низовом» (муниципальном) уровне, синхронизировав этот процесс с доформированием (коррекцией) сети опорных населённых пунктов;

— приоритезации МО (по степени их геостратегической значимости) в структуре субъектов РФ, имеющих «геостратегический» статус;

— отнесения к числу «геостратегических МО» не только высокопроблемных, как правило периферийных территорий, но и узловых (в научно-технологическом, экономическом, инфраструктурном и других отношениях) социально-экономических центров страны.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Список литературы

1. Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Стратегия пространственного развития и приоритеты национальной безопасности Российской Федерации // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 3. С. 631–643.
2. Кузнецова О.В., Дружинин А.Г. К новой стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. 2024. № 4 (205). С. 36–45.
3. Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. 2018. № 2. С. 264–287.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

4. Минакир П.А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 4. С. 967–980.
5. Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125.
6. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ttXJCZ4PNa7bmTrRgcuPwoIQa8SYR91B.pdf> (дата обращения 06.01.2025).
7. Дружинин А.Г. Геополитические ориентиры стратегии пространственного развития России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 4 (116). С. 5–22.
8. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. «Геостратегические территории» и «точки роста» в стратегировании пространственного развития Российской Федерации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. №4. С. 7–23.
9. Домнина И.Н. «Геостратегическая территория» как форма пространственного регулирования экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 126–141.
10. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296 [Электронный документ]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата доступа 04.01.2025).
11. Дружинин А.Г. Отечественные экономико-географические исследования локального (муниципального) уровня: традиция и современность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2023. Т. 9. № 2. С. 51–65.
12. Котляков В.М. Мировой кризис конца XX века и географическая наука // Известия РАН. Серия географическая. 1995. № 4. С. 7–20.
13. Кузнецова О.В. Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России // Региональные исследования. 2022. № 2. С. 16–24.
14. Чибилёв А.А., Ахметов Р.Ш., Петрищев В.П., Черкасова Ю.В. Дифференциация муниципальных районов Оренбургской области по особенностям сельского расселения // Известия РГО. 2015. С. 49–59.
15. Вендина О.И. Микрогеография городов и проблемы городской среды // СССР – СНГ – Россия: география населения и социальная география, 1985–1996 гг. М. 2001. С. 112–143.
16. Ромашина А.А. Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения // Региональные исследования. 2019. № 3. С. 42–52.
17. Смирнова А.А. Изменение низовой муниципальной структуры региона: тверской опыт // Вестник МГУ. Сер. 5: География. 2020. №5. С. 108–113.
18. Глейзер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ // Известия РАН. Серия географическая. 2008. №5. С. 61–64.
19. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития России: векторы обновления // Географический вестник = Geographical bulletin. 2024. №1(68). С. 15–26.
20. Strategy. Oxford Learner's Dictionaries [Электронное издание]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/search/english/direct/?q=strategy> (дата доступа 05.01.2025)
21. Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия / А.Е. Вандам; сост., вступит. ст. И. Даниленко. М.: Кучково поле, 2002. 272 с.
22. Мажуга С.Н. Геостратегия России: генезис, понятие и перспективы развития. М.: Военная академия Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации. 2023. 171 с.
23. Морская доктрина Российской Федерации [Электронный документ]. URL: <https://base.garant.ru/405077499/> (дата доступа 06.01.2025).
24. Тренин Д.В. Кто мы, где мы, за что мы – и почему // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 3 (115). С. 32–42.
25. Межуев Б.В. «Остров Россия» и российская политика идентичности // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 2. С. 116–12.
26. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета. 2021. 270 с.
27. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.

28. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации. Федеральный закон от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ [Электронный документ]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45677> (дата доступа 07.01.2025).
29. Наименование эвакуируемых районов Курской области [Электронный документ]. URL: <https://kurskiytransport.ru/news/naimenovanie-evakuiруемых-rajonov-kurskoj-oblasti> (дата доступа 07.01.2025).
30. Кузнецова О.В. Муниципальные образования России: новые подходы к типологизации и оценке социально-экономической ситуации // Региональные исследования. 2024. № 3 (83). С. 4–15.
31. Дружинин А.Г. Опорные базы морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 3. С. 89–104.

THE GEOSTRATEGIC MUNICIPALITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPTUALIZATION AND IDENTIFICATION

Druzhinin A. G.

*Southern Federal University, Rostov-on-Don; Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: alexdru9@mail.ru*

In modern Russia, spatial development and the issues of its strategization are extremely relevant, including as a priority for Human Geography. The implementation of the imperatives of full-scale, detailed consideration of local conditions of human-economic dynamics, as well as prioritization of areas of state and corporate activity, presuppose the "municipalization" of research approaches in conjunction with the identification of the geostrategic interests of the country and the corresponding typologization of territories. The purpose of the article is a conceptual justification of "geostrategic municipalities" as a special human–geographical phenomenon and an object of regional (municipal) policy. The experience of using the category "geostrategic territory" in the system of spatial development strategization of the Russian Federation is described; his strengths and weaknesses are emphasized. The definition of "geostrategy" is given, the idea of the practical multiplicity of geostrategies in the system of state regulation is substantiated, and it is shown that "geostrategy" is always situational and contextual. It is proposed to isolate and isolate "geostrategic municipalities" according to the parameters of their "significance — problemativeness", shifting the emphasis from territories that are recipients of federal support in favor of municipalities that perform "supporting" functions in the economic, geopolitical and ethnocultural spheres.

Keywords: municipalities, geostrategic territories, spatial development, Russia.

References

1. Buxval'd E.M., Kol'chugina A.V. Strategiya prostranstvennogo razvitiya i priority` nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Spatial development strategy and national security priorities of the Russian Federation]// E`konomika regiona. 2019. Т. 15. Vy`p. 3. S. 631–643.
2. Kuznetsova O.V., Druzhinin A.G. K novej strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii [Towards a new strategy for the spatial development of Russia]// Problemy` prognozirovaniya. 2024. № 4 (205). S. 36–45.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

3. Kolomak E.A., Kryukov V.A., Mel'nikova L.V., Seliverstov V.E., Suslov V.I., Suslov N.I. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii: ozhidaniya i realii [Strategy of spatial development of Russia: expectations and realities]// Region: e'konomika i sociologiya. 2018. № 2. S. 264-287.
4. Minakir P.A. Rossijskoe e'konomicheskoe prostranstvo: strategicheskie tupiki [The Russian economic space: strategic dead ends]// E'konomika regiona. 2019. T. 15. № 4. S. 967-980.
5. Kuznetsova O.V. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii: illyuziya reshenij i real'nost' problem [Strategy of spatial development of the Russian Federation: the illusion of solutions and the reality of problems]// Prostranstvennaya e'konomika. 2019. T. 15. № 4. S. 107-125.
6. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 g. s prognozom do 2036 g. [The Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036] Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28 dekabrya 2024 g. № 4146-r. [Electronic resource]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ttXJCZ4PNa7bmTrRgcuPwoIQa8SYR91B.pdf> (date of request 06.01.2025).
7. Druzhinin A.G. Geopoliticheskie orientiry` strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii [Geopolitical orientations of Russia's spatial development strategy] // Federalizm. 2024. T. 29. № 4 (116). S. 5-22.
8. Ivanov O.B., Buxval'd E.M. «Geostrategicheskie territorii» i «tochki ro`sta» v strategirovanii prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii ["Geostrategic territories" and "growth points" in strategizing the spatial development of the Russian Federation]// E'TAP: e'konomicheskaya teoriya, analiz, praktika. 2019. № 4. S. 7-23.
9. Domnina I.N. «Geostrategicheskaya territoriya» kak forma prostranstvennogo regulirovaniya e'konomiki ["Geostrategic territory" as a form of spatial regulation of the economy]// Vestnik Instituta e'konomiki Rossijskoj akademii nauk. 2020. № 6. S. 126-141.
10. O suhoputnyh territoriyah Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii [About the dry territories of the Arctic zone of the Russian Federation]. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.05.2014 g. № 296 [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377> (date of request 04.01.2025).
11. Druzhinin A.G. Otechestvenny`e e'konomiko-geograficheskie issledovaniya lokal'nogo (municipal'nogo) urovnya: tradiciya i sovremennost' [Domestic economic and geographical research at the local (municipal) level: tradition and modernity]// Ucheny`e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya. 2023. T. 9. № 2. S. 51-65.
12. Kotlyakov V.M. Mirovoj krizis konca XX veka i geograficheskaya nauka [The world crisis of the end of the XX century and geographical science]// Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 1995. № 4. S.7-20.
13. Kuznetsova O.V. Razvitie municipal'noj problematiki v gosudarstvennoj prostranstvennoj politike Rossii [Development of municipal issues in the state spatial policy of Russia]// Regional'ny`e issledovaniya. 2022. № 2. S. 16-24.
14. Chibilyov A.A., Axmetov R.Sh., Petrishhev V.P., Cherkasova Yu.V. Differenciaciya municipal'ny`x rajonov Orenburgskoj oblasti po osobennostyam sel'skogo rasseleniya [Differentiation of municipal districts of the Orenburg region according to the peculiarities of rural settlement] // Izvestiya RGO. 2015. S. 49-59.
15. Vendina O.I. Mikrogeografiya gorodov i problemy` gorodskoj sredy` [Microgeography of cities and problems of the urban environment] // SSSR – SNG – Rossiya: geografiya naseleniya i social'naya geografiya, 1985-1996 gg. M. 2001. S. 112-143.
16. Romashina A.A. Tipologiya municipal'ny`x obrazovanij Rossii po specializacii e'konomiki i polozeniyu v sisteme rasseleniya [Typology of Russian municipalities by specialization of economy and position in the settlement system]// Regional'ny`e issledovaniya. 2019. № 3. S. 42-52.
17. Smirnova A.A. Izmenenie nizovoj municipal'noj struktury` regiona: tverskoj opy't [Changing the grassroots municipal structure of the region: Tver experience]// Vestnik MGU. Ser. 5: Geografiya. 2020. № 5. S. 108-113.
18. Glejzer O.B., Borodina T.L., Artobolevskij S.S. Reforma mestnogo samoupravleniya i administrativno-territorial'noe ustrojstvo sub`ektov RF [The reform of local self-government and the administrative-territorial structure of the subjects of the Russian Federation] // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2008. № 5. S. 61-64.

19. Druzhinin A.G., Kuznetsova O.V. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii: vektory` obnovleniya [Strategy of spatial development of Russia: update vectors]// Geograficheskij vestnik = Geographical bulletin. 2024. № 1(68). S. 15–26.
20. Strategy. Oxford Learner's Dictionaries [Электронное издание]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/search/english/direct/?q=strategy> (дата доступа 05.01.2025).
21. Vandam A.E. Geopolitika i geostrategiya [Geopolitics and geostrategy]/ A.E. Vandam; sost., vstupit. st. I. Danilenko. M.: Kuchkovo pole, 2002. 272 s.
22. Mazhuga S.N. Geostrategiya Rossii: genezis, ponyatie i perspektivy` razvitiya [Geostrategy of Russia: genesis, concept and prospects of development]. M.: Voennaya akademiya General'nogo shtaba Vooruzhyonny`x sil Rossijskoj Federacii. 2023. 171 s.
23. Morskaya doktrina Rossijskoj Federacii [Maritime Doctrine of the Russian Federation] [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/405077499/> (date of request 06.01.2025).
24. Trenin D.V. Kto my`, gde my`, za chto my` – i pochemu [Who are we, where are we, what are we for, and why]// Rossiya v global'noj politike. 2022. T. 20. № 3 (115). S. 32–42.
25. Mezhuiev B.V. «Ostrov Rossiya» i rossijskaya politika identichnosti [“The Island of Russia” and the Russian identity policy]// Rossiya v global'noj politike. 2017. T. 15. № 2. S. 116–12.
26. Druzhinin A.G. Idei klassicheskogo evraziystva i sovremennost`: obshhestvenno-geograficheskij analiz [The ideas of classical Eurasianism and modernity: a socio-geographical analysis]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2021. 270 s.
27. Regiony` Rossii. Social'no-e`konomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2023: Statistical collection]. 2023: Stat. sb. / Rosstat. M., 2023. 1126 s.
28. O gosudarstvennoj podderzhke predprinimatel'skoj deyatel'nosti v Arkticheskoy zone Rossijskoj Federacii [On State support for entrepreneurial activity in the Arctic Zone of the Russian Federation]. Federal'nyj zakon ot 13.07.2020 g. № 193-FZ [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45677> (date of request 07.01.2025).
29. Naimenovanie evakuiруемykh rajonov Kurskoj oblasti [The name of the evacuated areas of the Kursk region] [Electronic resource]. URL: <https://kurskiytransport.ru/news/naimenovanie-evakuiруемykh-rajonov-kurskoj-oblasti> (date of request 07.01.2025).
30. Kuznetsova O.V. Municipal'ny`e obrazovaniya Rossii: novy`e podhody` k tipologizacii i ocenke social'no-e`konomicheskoy situacii [Municipalities of Russia: new approaches to typologization and assessment of the socio-economic situation] // Regional'ny`e issledovaniya. 2024. № 3 (83). S. 4–15.
31. Druzhinin A.G. Oporny`e bazy` morskogo porubezh`ya Rossii: e`konomicheskaya dinamika v usloviyax geopoliticheskoy turbulentnosti [Support bases of the Russian sea frontier: Economic dynamics in the context of geopolitical turbulence] // Baltijskij region. 2020, T. 12, № 3. S. 89–104.

Поступила в редакцию 09.01.2025 г.